

I.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРСКОЕ.

Въ русской исторической литературѣ уже давно установилось мнѣніе о томъ, что города сѣверо-восточной Руси обязаны своимъ возникновеніемъ по преимуществу Юрію Долгорукому; этимъ, хотя и косвенно, сынъ Мономаха становился главнымъ виновникомъ заселенія края. Дѣйствительно, лѣтописи указываютъ на многіе города, поставленные Юріемъ. Но почти исключительно Юрію Долгорукому приписывать возникновеніе городовъ въ сѣверо-восточной Руси не совсѣмъ справедливо. Мы знаемъ, что еще до Юрія въ сѣверо-восточной Руси были уже города со славянскими названіями и славянскими обитателями. Таковы Суздаль и древнѣйшій изъ городовъ Ростовъ. Бѣлозерска до призванія князей и при первыхъ князьяхъ, можетъ быть, и не было, но славянское населеніе на Бѣлоозерѣ было, на что указываетъ самое названіе озера. Такимъ образомъ, дѣло колонизаціи сѣверо-восточной Руси было дѣломъ не князей, а самого народа; князья были только продолжателями этой колонизаціи. Но и при князьяхъ, даже въ позднѣйшій періодъ, при царяхъ, народъ продолжалъ свое дѣло: стоитъ только припомнить исторію присоединенія Сибири, чтобы убѣдиться въ этомъ. Когда князья пришли въ верховья Волжскаго бассейна, они нашли здѣсь уже крѣпко осѣвшее славянское населеніе. Но это населеніе, сравнительно съ окружавшими его со всѣхъ сторонъ финскими племенами, представляло, такъ сказать, небольшіе островки въ громадномъ морѣ. Не надобно далеко ходить, чтобы убѣдиться въ этомъ послѣднемъ: достаточно одного бѣглаго взгляда на этнографическую карту древней Руси... Благодаря духовному превосходству своей природы, сравнительно

весьма малочисленное населеніе помянутыхъ островковъ не только не было затоплено волнами Финскаго моря, но и утишило и покорило эти волны, шагъ за шагомъ дѣлая приращенія къ своимъ островкамъ. Славянскіе колонизаторы до того успѣли освоить инородцевъ съ своими интересами, что эти послѣдніе принимаютъ участіе въ призваніи князей. Существуетъ мнѣніе, что подъ финскими племенами, участвовавшими въ этомъ важномъ актѣ жизни русскихъ славянъ, надобно разумѣть славянскихъ колонистовъ, жившихъ среди инородцевъ. Едва-ли это мнѣніе вполне справедливо. Не говоря уже о томъ, что лѣтописецъ опредѣленно и положительно говоритъ объ этомъ предметѣ, нѣкоторыя соображенія, логически вытекающія изъ внимательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ этого важнаго дѣла, заставляютъ признать участіе Финскаго элемента въ призваніи князей не подлежащимъ сомнѣнію. Сравнительно ничтожное количество славянскихъ поселенцевъ крѣпко осѣдаетъ среди многочисленнаго Финскаго племени. Будь послѣднее выше по культурному развитію, славянскіе поселенцы, несомнѣнно, были бы поглощены имъ. А между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное явленіе, которое становится болѣе очевиднымъ для насъ тогда, когда славянъ, въ ихъ поступательномъ движеніи, застаютъ исторія, другими словами — когда явились князья, а потомъ — лѣтописцы, обращавшіе большее вниманіе на дѣянія князей, чѣмъ народа. Вотъ почему дѣло колонизаціи сѣверо-восточной Руси несправедливо приписывается иногда исключительно первымъ князьямъ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ направлена была по преимуществу къ сплоченію, къ объединенію славянскихъ племенъ. А если ближайшіе преемники первыхъ князей, начиная съ IX вѣка, заходили далеко и занимали земли за границей поселеній главной массы славянства съ необыкновенной легкостью, то легкость этихъ приобрѣтеній, особенно на сѣверо-востокѣ, нужно объяснять исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что князья являлись въ мѣста, уже колонизированныя славянскимъ племенемъ, въ мѣста, такъ сказать, уже насыщенные послѣднимъ. Мы знаемъ по лѣтописямъ, что еще при Вѣщемъ Олегѣ многочисленное Финское племя Меря было извѣстно подъ своимъ собственнымъ именемъ; подъ этимъ именемъ оно принимало участіе въ походѣ Олега на Константинополь въ 907 году. Но послѣ этого похода мы уже не встрѣчаемъ извѣстій о мерянахъ, какъ особомъ народѣ. Неужели, какъ нѣкоторые думаютъ, Меря куда-то ушла, столько времени живши на одномъ мѣстѣ, или, какъ полагаетъ Ходаковскій, племя это — было племя славянское, легко утратившее свою частную кличку въ общей массѣ русскихъ славянъ? Съ мнѣніемъ первыхъ излишне, кажется, спорить: исчезновеніе многочисленнаго племени посредствомъ темнаго переселенія въ темныя края, такъ сказать,

на глазахъ исторіи не могло кануть въ область неизвѣстности; думать же о томъ, что Меря было племя славянское, значитъ совсѣмъ отвергать тѣ источники, въ которыхъ сохранились этнографическія извѣстія о первобытныхъ обитателяхъ сѣверо-восточной Европы, а на основаніи этихъ источниковъ только и возможно опираться при всевозможныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ о древнѣйшей исторіи Руси. Кромѣ этого, не надобно терять изъ виду и того обстоятельства, что названія рѣкъ и многихъ урочищъ сѣверо-восточной Руси носятъ исключительно финскія названія,—а обозначеніе такихъ предметовъ, какъ рѣки и урочища, подъ тѣми или другими частными названіями, всего скорѣе должно принадлежать первымъ насельникамъ края. Ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что Мерянское племя отъ болѣе или менѣе продолжительнаго сожитія съ славянскими колонистами, благодаря духовному превосходству послѣднихъ, подчинилось имъ и духовно и матеріально, а потомъ, вслѣдствіе скрестныхъ браковъ и другихъ обстоятельствъ, и ассимилировалось имъ. Антропология, въ частности, и вообще археологія, сдѣлавшія въ послѣднее время значительные успѣхи въ своемъ развитіи, хотя и не вполне обстоятельно, но тѣмъ не менѣе вѣрно указываютъ на племенную смѣшанность населенія сѣверной Руси, основываясь на раскопкахъ могилъ или кургановъ, на находимыхъ въ нихъ предметахъ: черепахъ, утвари и т. п. . . Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, признать и взглядъ извѣстнаго Духинскаго на этнографію сѣверной Россіи, или Великороссіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только въ сказкахъ можно встрѣтить такія быстрыя превращенія, какъ ассимиляція однихъ племенъ другими. Какъ могло совершиться такъ легко занятіе сѣверно-русскихъ земель кievскими князьями въ самый ранній періодъ существованія княжеской Руси? Очевидно, почва подготовлена была еще до князей самимъ народомъ, который и при князьяхъ продолжалъ дѣло колонизаціи. Князья, и то не самые первые, были только продолжателями этого народнаго стремленія: они являлись, какъ выше замѣчено, на мѣста уже насиженныя, ставили города, заводили поселенія, а существовавшія до нихъ поселенія расширяли и обращали въ города.

До возвышенія Владиміра и до образованія Владимірскаго Великаго Княжества, въ земляхъ сѣверной части Волжскаго бассейна сидѣли первоначально княжіе мужи. Но съ конца X вѣка въ качествѣ представителей великокняжеской власти мы видимъ тамъ уже князей, большею частію великокняжескихъ сыновей. Въ 988 г. Владиміръ святой посадилъ въ Ростовѣ старшаго сына своего, Ярослава, а съ переходомъ этого послѣдняго въ Новгородъ, тамъ сѣлъ другой сынъ Владиміра, Борясъ. Затѣмъ Ростовъ вмѣстѣ съ Суздалемъ и Белоозеромъ перешли въ руки Всеволода Яросла-

вича и сдѣлались наслѣдственными въ его родѣ. Доставшись Юрію Владиміровичу Долгорукому, Ростовско-Суздальская область сдѣлалась самостоятельнымъ княжествомъ, получившимъ названіе Суздальскаго по исключительному пребыванію въ Суздальѣ перваго самостоятельнаго князя этой области. Но Юрій Долгорукій хотя и много положилъ труда для развитія гражданской жизни въ краѣ, тѣмъ не менѣе взоры его постоянно устремлены были на южную, Кіевскую Русь. Въ 1149 г. онъ занялъ Кіевъ, но не надолго. Наконецъ, по смерти Изяслава Мстиславича въ 1155 г. онъ окончательно занялъ великокняжескій столъ и роздалъ удѣлы сыновьямъ своимъ. Андрей Юрьевичъ (Боголюбскій), получившій въ удѣлъ Вышгородъ, въ томъ же 1155 г. тайно отъ отца ушелъ въ Суздальскую землю, гдѣ, по смерти Юрія († 1157 г.), ростовцы и суздальцы выбрали его въ князья «и посадиша ѿ въ Ростовѣ на отни столъ и Суждали»¹⁾. Спустя лѣтъ пять послѣ этого (въ 1162 г.), выгнавши изъ Ростовско-Суздальской области братьевъ своихъ и двоихъ племянниковъ, дѣтей умершаго Ростислава Юрьевича, Андрей сдѣлался единовластителемъ области, — а въ 1169 г., по взятіи его войсками Кіева, онъ посадилъ въ послѣднемъ брата своего Глѣба въ качествѣ удѣльнаго князя. Но Глѣбъ, какъ и преемники его, во многомъ зависѣли отъ Андрея, который, такимъ образомъ, становится истиннымъ великимъ княземъ Руси.

Съ Андрея Боголюбскаго столицей Ростовско-Суздальской области становится едва замѣтный до того времени Владиміръ, которому это первенство досталось, конечно, не безъ борьбы: Ростовъ не хотѣлъ уступить первенства своему пригороду и взялъ временный перевѣсъ, посадивши у себя и въ Суздальѣ племянниковъ Андрея, Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которые потомъ должны были уступить первенство дядьямъ своимъ, Михалкѣ и Всеволоду Юрьевичамъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и Ростовъ уступилъ Владиміру. Такимъ образомъ князья Ростовско-Суздальской области получаютъ названіе вмѣсто суздальскихъ князей — великихъ князей владимірскихъ.

Относительно основателя, а слѣдовательно и времени основанія г. Владиміра, лѣтописи разнорѣчатъ, — а за ними почти до послѣдняго времени разнорѣчили и наши историки. Замѣтимъ, что извѣстія о времени основанія Владиміра мы встрѣчаемъ преимущественно въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Однѣ изъ этихъ лѣтописей считаютъ основателемъ новой столицы Ростовско-Суздальской земли Владиміра святаго, а другія — Владиміра Мономаха. Никоновская лѣтопись²⁾ подъ 992 г. говоритъ, что Владиміръ святой съ

1) П. С. Р. Л. I, 148—149; II, 78, 81; VII, 64, 66.

2) Никон. лѣт. I, 104.

двумя епископами константинопольскаго патріарха Фотія (при Владимірѣ такого не было) ходилъ въ Суздальскую землю, крестилъ тамъ народъ, поставилъ городъ «въ свое имя Володимерь» на р. Клязьмѣ и въ немъ церковь во имя пресв. Богородицы. То же находимъ и въ Степенной книгѣ, — а авторъ Синодписа, «сей невѣжда», какъ совершенно справедливо называетъ его нашъ исторіографъ³⁾, прибавляетъ къ этому, основываясь на Стриковскомъ, что Владиміръ съ того времени сдѣлался столицей великихъ князей. Въ Патерикѣ, въ житіи Стефана, игумена Печерскаго, положительно сказано, что г. Владиміръ поставленъ именно Владиміромъ святымъ, а Татищевъ указываетъ и годъ построения — 992-й, чего не находимъ въ лѣтописяхъ⁴⁾. Подъ 1160 годомъ въ Никоновской лѣтописи говорится, что Андрей Боголюбскій, созвавъ князей (?) и бояръ, держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой выражалъ желаніе сдѣлать Владиміръ столицею княжества, причемъ объ этой будущей столицѣ выразился такъ: «Градъ сей Владиміръ созда святыи и блаженный великий князь, просвѣтвыйи всю Русскую землю святымъ крещеніемъ». По Ипатьевской лѣтописи⁵⁾ основаніе Владиміра относится къ болѣе раннему времени — къ 990 году, а по Софійской первой⁶⁾ — къ еще болѣе раннему времени, къ 987 г. Въ Лаврентьевской лѣтописи⁷⁾ подъ 1176 г., гдѣ говорится о распрѣ владимірцевъ съ ростовцами изъ-за первенства, о городѣ Владимірѣ замѣчено: «Постави бо преже градъ ось великий Володимерь и потомъ князь Андрей». Здѣсь, однако, подъ Владиміромъ *Великимъ*, по вѣрному замѣчанію Карамзина⁸⁾, надобно разумѣть Владиміра Всеволодовича, т. е. Мономаха, а не Святославича, который въ лѣтописяхъ называется обыкновенно не великимъ, а святымъ. Но въ болѣе позднѣйшихъ лѣтописяхъ основаніе Владиміра опредѣленно приписывается Мономаху. Такъ, въ Синодальной лѣтописи время Василія Темнаго⁹⁾ и многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: «Мономахъ, правнукъ вел. кн. Владиміра, поставилъ градъ Володимерь Залѣшскій въ Суздальской земли и осыпа его спомъ (насыпью, валомъ) и създа первую церковь св. Спаса за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія», т. е. до закладки или построения Успенскаго собора. Далѣе замѣчено, что Златоверхая (такъ названа по вызолоченнымъ куполамъ) церковь Богоматери совершена въ

3) Карамз. I, прим. 463. Цитируемъ Карамзина по изданію Эйнерлинга.

4) Ibid. прим. 466.

5) П. С. Р. Л. II, 258.

6) Ibid. V, 118. Здѣсь по ошибкѣ названа Смоленская земля вмѣсто Суздальской.

7) Ibid. I, 160.

8) Карамз. I, прим. 463.

9) Ibid. II, прим. 238.

1166 г.¹⁰⁾. Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ построение Успенской церкви относится къ 1160 г.; въ 1161 г. она была расписана, а въ 1164 г. Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. Такимъ образомъ, если Мономахъ поставилъ городъ и въ немъ церковь Спаса за 50 лѣтъ до основанія Успенской церкви, то основаніе Владиміра надобно будетъ отнести или къ 1110, или къ 1114, или — наконецъ — къ 1116 г. Во всякомъ случаѣ, по указаннымъ извѣстіямъ, основаніе Владиміра надобно относить къ періоду времени отъ 1110 до 1116 г. Несомнѣнно, Владиміръ основанъ не въ X в., какъ то утверждали въ свое время Татищевъ, Щербатовъ и другіе, а въ XII в. Если бы Владиміръ основанъ былъ въ X в., то лѣтописцы, при описаніи совершавшихся въ области р. Клязьмы событій до XII в., непременно упомянули бы объ этомъ городѣ. Такъ, въ Воскресенской лѣтописи¹¹⁾ подъ 1096 г. говорится, что Олегъ Святославичъ изъ Муромъ, который онъ отнялъ у Мономахова сына Изяслава, хотѣлъ напасть на брата Изяслава, Мстислава новгородскаго, который былъ тогда въ Суздаль и готовился идти къ Мурому на Олега. Послѣдній, между тѣмъ, успѣлъ добраться до р. Колокши, впадающей въ Клязьму немного выше Владиміра. Здѣсь и произошелъ бой Мстислава съ его крестнымъ отцемъ, Олегомъ. Намъ кажется, что здѣсь непременно былъ бы упомянутъ лѣтописцемъ, по чему бы то ни было, г. Владиміръ, если бы онъ тогда существовалъ, — а между тѣмъ этого не сдѣлалъ лѣтописецъ.

И такъ, съ Андрея Боголюбскаго Владиміръ становится стольнымъ городомъ Великаго Княжества Владимірскаго. Но съ первой половины XIV в., когда великокняжеское достоинство навсегда утвердилось за князьями московскими, за родомъ Ивана Даниловича Калиты, Владиміръ начинаетъ уступать свое первенство Москвѣ: онъ считается столицей Великаго Княжества только *de jure*, но *de facto* столицей становится уже Москва. До Василія Темнаго Владиміръ, можно сказать, былъ въ такомъ же отношеніи къ Москвѣ, въ какомъ съ Петра Великаго и до послѣдняго времени находится Москва по отношенію къ Петербургу. Великіе князья изъ рода Ивана Даниловича Калиты по-прежнему назывались Великими Князьями Владимірскими и возводились на великокняжескій столъ во Владимірѣ. Но уже при Калитѣ кафедръ митрополита — одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ столицы — была перенесена въ Москву, а въ 1432 г. Влади-

10) Карамзинъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, выводитъ отсюда неосжиданное слѣдствіе, что Мономахъ построилъ Владиміръ въ 1166 г. Впрочемъ, здѣсь, вѣроятно, опечатка, и вм. 1166 надобно читать 1116 г.

11) П. С. Р. Л. VII, 11.

міръ потерялъ и то остававшееся за нимъ преимущество, которое напоминало о немъ, какъ о столицѣ: выигравши въ помянутомъ году свое дѣло въ ордѣ въ спорѣ съ дядей своимъ, Юріемъ галицкимъ, Васплій прибылъ въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который посадилъ его на великокняжескій столъ въ Москвѣ же, въ храмѣ Богоматери у Златыхъ вратъ.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго, въ спорѣ Ростова съ Владиміромъ о первенствѣ¹²⁾ и Ростиславичей, внуковъ Долгорукаго, съ дядьями ихъ, Михалкомъ и Всеволодомъ Юрьевичами, верхъ взяли послѣдніе и г. Владиміръ. Михалко княжилъ только годъ († 1176 г.). По смерти его Владиміръ занялъ братъ его Всеволодъ (Большое гнѣздо), и опять началась борьба старшаго Ростова съ младшимъ Владиміромъ, окончившаяся въ пользу послѣдняго. По смерти Всеволода борьба его сыновей, Константина и Юрія¹³⁾, окончилась въ пользу перваго, умершаго въ 1218 г. Послѣ Константина Юрій становился уже безспорнымъ обладателемъ великокняжескаго достоинства. Въ 1238 г. онъ палъ въ битвѣ съ татарами на берегу р. Сити, и великокняжескій столъ перешелъ къ слѣдующему брату, Ярославу Всеволодовичу, съ котораго мы и начнемъ біографическіе очерки великихъ князей за татарскій періодъ нашей исторіи.

Ярославъ Всеволодовичъ.

р. 1191 † 1246.

Ярославъ II Всеволодовичъ, четвертый изъ осьми сыновей Всеволода III Юрьевича, правнукъ Владиміра Мономаха, родился во Владимірѣ 8 февраля 1191 г.¹⁴⁾ Въ 1194 г. апрѣля 27 надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ постриговъ (сажаніе на коня), обрядъ до нѣкоторой степени рыцарскій¹⁵⁾.

Въ древней Руси, за отсутствіемъ теоретическаго воспитанія, княжичей весьма рано старались направить на путь практической дѣятельности.

12) См. подробности въ началѣ главы о князьяхъ Ростовскихъ, во II-й ч.

13) Ibid.

14) П. С. Р. Л. I, 172; VII, 101. Въ Лавр. лѣт. о рожденіи Ярослава—Федора говорится подъ 8 февраля 1190 года, причемъ замѣчено объ отцѣ его: «тогда сущю князю великому въ Переяславли на полюди». Въ Воскресенской же лѣтописи сказано, что Ярославъ родился въ Переяславлѣ. Всего вѣрнѣе, онъ родился во Владимірѣ.

15) Ibid. I, 173.